

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ

Рождество с ДЕТЕКТИВОМ

Татьяна Устинова

Татьяна Полякова

Анна и Сергей Литвиновы

Евгения Михайлова

Елена Дорош

Елена Бриолле

Ольга Баскова

Великолепные детективные истории

Татьяна Полякова

Рождество с детективом

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Полякова Т. В.

Рождество с детективом / Т. В. Полякова — «Эксмо»,
2023 — (Великолепные детективные истории)

ISBN 978-5-04-193879-6

В дни рождественских каникул все взрослые словно возвращаются в детство! Кому не хочется испытать радостное предвкушение чуда и вновь поверить, что оно непременно сбудется? А кто откажется от удовольствия морозным утром обнаружить под сверкающей елкой таинственный сверток в подарочной упаковке? Издательство «Эксмо» предлагает вам и вашим близким отличный презент: сборник остросюжетных рассказов «Детективное Рождество»! Татьяна Устинова, Анна и Сергей Литвиновы, Евгения Михайлова и другие известные писатели поздравляют вас с этим радостным и светлым праздником! Детективный рассказ требует от автора высшего мастерства, ведь закрутить интригу, расследовать преступление и разоблачить преступника надо всего на нескольких страницах. Этим даром блестяще владеют популярные писатели, чьи рассказы входят в сборники из серии «Великолепные детективные истории». Наслаждайтесь новыми гранями их таланта!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-193879-6

© Полякова Т. В., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Елена Дорош	6
Евгения Михайлова	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Рождество с детективом

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Елена Дорош С Гофманом на устах

Клавдия любила длинные ночные перегоны, когда остановок не было и можно всласть выспаться в купе для проводников. Конечно, всякое случалось и ночью, но нынче народ подобрался приличный и не капризный. К одиннадцати все уgomонились, и в вагоне стало тихо. Только колеса стучали привычно да фонари мелькали за окнами.

Клава прошла до туалетов. Господи, и тут повезло: не загадили санитарное помещение, вот молодцы! Теперь можно и на боковую до пяти.

Проходя мимо четвертого купе, проводница прислушалась. Странный мужчина, которого она посадила на небольшой станции, ехал один. В принципе, такое бывает. Выкупит пассажир все четыре места, чтобы никто не мешался, и дрыхнет. Хозяин – барин! Только сам мужичок был уж очень неказистым, прям карлик какой-то. Ножонки кривые – еле в вагон залез – а на спине чуть ли не горб. Бррр! Чай заказывать не стал, сразу заперся и затих. Ну и черт с ним! Ей-то какое дело!

Глядя в окно на густо летящий снег, Клава с хрустом потянулась, зашла в свое купе и улеглась. Щас как выспится!

Только спала она плохо. Всю ночь какая-то чепуха снилась! Из тех, что пересказать невозможно, но и забыть нельзя! Клава измучилась ужасно, встала с больной головушкой и недовольная.

До Питера все же кое-как работу допинала, однако пассажиров провожала с улыбкой, как положено.

Те отвечали, впрочем, неохотно, словно и им всякая дрянь ночью снилась. Лишь один молодой красавец, проходя мимо, улыбнулся от души и сверкнул белейшими зубами. Клавдия обалдела. Ничоси! Это ж как она такого мужчину пропустила! Когда же он сел? Или из другого вагона перешел, чтоб поближе ко входу в вокзал оказаться? Наверное, так и есть!

Клавдия так увлеклась, гадая, откуда взялся красавец, что пропустила давешнего карлика. Этот когда мимо проскочить успел?

Неизвестно, от чего встревожившись, Клавдия быстро прошла по коридору и заглянула в четвертое купе. Там было пусто, конечно же. Только в открытое окно, завывая, валил холодный воздух пополам со снегом.

Клавдия ахнула.

Вот черт корявый! На дворе зима, а этот придурок вон чего вытворил!

Ругаясь, она закрыла окно и подергала задвижки. Тугие. И как только смог с ними справиться!

Она заперла по очереди все купе и не торопясь пошла в соседний вагон навестить товарку Светку. Успеет еще уборкой заняться. Времени полно.

И все-таки, откуда взялся этот красавец?

– Здравия желаю, товарищ капитан! – прокричал Леха, козырнув начальнику.

– Черт! – вздрогнул капитан, продирая глаза. – Ну и орешь ты, Тишков! Тебе бы Крикуновым родиться!

Леха чуть не прыснул от смеха, потому что фамилия у начальника была Худеев, а считался он самым толстым в управлении.

– Ты сменился, что ли, уже? – поинтересовался Худеев.

– Так точно! – выпалил Леха.

– Ну так спать отправляйся. Нечего тут орать, честных людей будить.

– Ждал ваших ценных указаний, товарищ капитан!

Худеев закатил глаза.

– Притомил ты меня, Тишков. Какие указания в шесть утра? Домой чеши!

– Есть, товарищ капитан! – гаркнул Леха и выскочил из кабинета.

Как бы Худеев в спину папкой не запустил!

Вообще-то над капитаном он прикалывался не просто так, а по случаю хорошего настроения. Даже не хорошего, а замечательного!

А все потому, что Леля наконец согласилась! Свиданием это пока назвать было сложно, но то, что разрешила встретиться ее после работы, равносильно согласию на законный брак.

Ну а, кроме всего прочего, сегодня – пятница, а значит, есть надежда, что общение с Лелей можно будет продолжить.

Протопав по коридору и разбудив еще, наверное, с полдюжины сослуживцев, Тишков сбегал со ступенек и двинулся к другому входу, где располагались апартаменты судмедэкспертов.

Леля уже вышла и, кутаясь в шубку, ждала у крыльца. Испугавшись, что получит нагоняй – заставил ждать! – Тишков округлил губы для извинений, но Леля схватила его за рукав и потянула в сторону.

– Сегодня куча трупиков! Даже чаю попить не успела! Бежим завтракать, а то окочурюсь!

С Лелей Тишков был готов бежать хоть на край света, поэтому прибавил шаг.

Какая отличная девушка! Необидчивая!

– Зависла на одной старушке, представляешь? – стала рассказывать Леля, скользя на тоненьких каблучках и цепляясь за него. – Откинулась, а от чего – непонятно.

– Может, от старости? – предположил Леха, косясь на ее руку в тоненькой замшевой перчатке на своем рукаве.

– Я и сама так думала. Ей сто лет в обед. Умерла, лежа на диване с книжкой в руках. Сама, наверное, не заметила, что скончалась.

– А при чем тут полиция? – удивился Леха.

– Вот именно. Обычно в таких случаях родственники просят вообще вскрытия не делать.

– И?

– А эти взяли и заявление накатали.

– Какое заявление? – не понял Леха, все еще пребывая в эйфории по случаю первого совместного завтрака.

– Считают, что ее убили.

– Кто?

– Родственники. Ой, нет, не родственники! Соседка по лестничной клетке, прикинь!

– А она с чего взяла?

– Да кто ж ее знает! Но раз заявление приняли, значит, аргументы есть. Ну, Ксаверич на меня и скинул. Самому-то неохота с ерундой связываться.

– И что ты установила? – поинтересовался Леха просто из вежливости, мысли его были очень далеко.

– Сначала думала найти обычные старческие болезни, ну и, сам понимаешь, доказать, что никакого криминала не наблюдается.

– Не нашла? – спросил он, открывая перед ней дверь круглосуточной кофейни.

– Я? Не нашла? Шутишь? Кучу всего нашла! Говорю же: бабка древняя!

Кофейня пахла теплом и дивными ароматами свежей выпечки.

Леля забралась за столик и скинула шубку.

– И все вроде бы правильно, но...

– Что будешь? – спросил Леха, которому хотелось не про бабушку слушать, а говорить на совершенно другие темы.

– Раф с карамельным топингом и круассан, – ответила Леля, но сбить себя с мысли не позволила. – Так вот. Все, что у нее есть, не могло привести к внезапной смерти, чтобы почи- тывать книжку и вдруг – брык!

Официантка принесла заказ. Леха пододвинул к Леле тарелку с круассанами и уже заин- тересованно спросил:

– То есть криминал?

Леля отпила из чашки и мотнула головой.

– Не знаю. Звонила в отдел. Говорят, соседка уверена, что убийство, но группа пока на место не выезжала. Не до старушки им. Впрочем, чем они могут мне помочь?

Леля грустно вздохнула. У нее над губой образовались молочно-карамельные усики. Лехе они ужасно нравились.

– Хотела к Ксаверичу толкнуться, а потом передумала. Сама дожму. Или мой красный диплом можно засунуть в... одно место.

Она вытерла салфеткой усики и принялась за круассан.

– Умру, а выясню, что свело старушку в могилу, – пообещала она и взглянула на Леху. – Ты чего не ешь?

Он торопливо отпил из своей чашки. Не мог же признаться, что засмотрелся на нее.

– Если никто не съездил, то я могу.

У Лели заблестели глаза.

– Ты же с дежурства.

– Ну и что? Дома все равно делать нечего, – брякнул он и понял, что сдал себя с потро- хаами.

Взглянув на его мгновенно покрасневшие щеки, Леля тонко улыбнулась.

– Ну если нечего, тогда да. Завтра я прямо с нее начну. Если что-то выясню, позвоню тебе напрямую.

– Если найду что-нибудь подозрительное, то тоже прямо тебе позвоню, – подхватил Леха, чувствуя, что возможность работать с ней по одному делу сильно повышает его шансы.

Проводив Лелю домой, он заскочил к себе, быстренько сполоснулся, надел все чистое и рванул на работу.

Напроситься на выезд к старушке оказалось не так легко.

– Ты что, Тишков, от работы косить собрался? – наехал на него начальник. – Старушка – пустой номер.

– Так заявление же приняли, товарищ капитан.

– Приняли, потому что накатала его дочка заместителя мэра. Она той старушке соседка.

– А резоны у нее какие?

– Резоны... – протянул Худеев. – Ишь ты! Да никаких резонов! Она, видишь ли, уверена! В общем, нечего туда ездить. Дождемся заключения судмедэкспертов и даже дела открывать не будем.

– Но съездить все-таки надо, товарищ капитан, а то соседка нажалуется. Зачем нам про- блемы с дочкой зама мэра?

Худеев махнул рукой:

– Ладно. Поезжай. И смотри там! Все, как положено, сделай, чтоб соседка видела – поли- ция работает! Понял?

– Так точно, – козырнул Леха и побежал выполнять поручение.

Предрождественская метель собрала на улицах дикие пробки, но Тишкову повезло. До нужного дома он доехал за двадцать минут, что по нынешним временам тянуло на рекорд.

«Старушка, она и есть старушка», – заходя в квартиру и ощущая затхлый запах запущен- ного жилья, подумал он.

Довольно большая однушка в старом доме, обставленная разномастной древней мебелью. Шкафы, комоды, тумбочки, круглый стол посредине, диван. Возле него – инвалидное кресло. Так. Старушка, значит, была неходячей. Коврики, вязанные салфеточки, книжки. В кухне тоже бедненько, впрочем, чисто. В шкафах и холодильнике немного продуктов. Молоко, крупы, хлеб – вот и весь рацион. Ничего необычного. Но это в первом приближении. Надо посмотреть повнимательнее.

Два звонка раздались одновременно – в дверь и по телефону. Леха выхватил сотовый. Леля!

– Алло! – крикнул он, направляясь к двери. – Я в квартире как раз. Только пришел.

За порогом стояла щуплая девица с половником в руке.

– Здравсьте, – кивнул ей Тишков. – Вы кто? Леля, я перезвоню через минуту.

– А вы кто? – спросила девица и зачем-то потрясла поварешкой.

– Старший лейтенант Тишков.

Леха сунул ей под нос удостоверение.

– Уф! – выдохнула девица. – А я подумала...

– Представьтесь, пожалуйста, – перебил ее Тишков, включив, как и положено, служителя Закона.

– Мария Бурцева, соседка Ирины Павловны.

– Понятно. Это вы заявление написали?

– Да, – коротко ответила она.

– Ну проходите тогда.

Леха посторонился, пропуская ее. Мария замялась.

– Вы меня в качестве понятой приглашаете?

– Зачем? Я же не обыск проводить пришел. Просто хочу осмотреть место происшествия. Впрочем, я фотографирую, – добавил Леха на случай, если эта Бурцева – профессиональная жалобщица.

– А... Тогда, если позволите, я вместе с вами осмотрюсь.

Мария прошла в комнату и начала оглядываться. Леха встал спиной к окну и уставился на активную соседку. Не похожа на жалобщицу. А, впрочем, кто их знает!

– Вы сказали, что о чем-то подумали, услышав шум.

– Я подумала, что кто-то опять шарит по квартире.

– Опять?

– Я ведь почему заявление накатала? Ирину Павловну обнаружили в среду днем. А через несколько часов, уже ночью, я слышала, что по квартире кто-то ходит. У нас стена общая как раз с этой комнатой. Я привыкла прислушиваться: вдруг Ирина Павловна позовет. Она инвалид, вы, наверное, знаете. Не совсем не ходячая, пару-тройку шагов сделать может.

– Она одна жила?

– Да. Но ноги стали отказывать не так давно.

– Вы за ней ухаживали?

– Всего лишь последние восемь месяцев. Но я часто уезжаю. Вернее, не так уж часто, но надолго. Я скалолазанием занимаюсь, езжу на сборы.

Так вот почему она такая загорелая! А он было подумал, что с курорта вернулась.

– Я отсутствовала больше месяца и приехала только в воскресенье. Навестила Ирину Павловну. Она отлично себя чувствовала и была весела.

– Все это время она провела одна? – уточнил Леха, стараясь, чтобы голос не звучал, как на допросе.

Продолжая внимательно глядеть по сторонам, Мария провела рукой по лицу.

– Нет, конечно. Я обратилась в волонтерский центр. Они прислали двух девочек.

– Вы считаете, что они могли убить старуху?

- Нет, что вы! Девочки очень хорошие. Ирина Павловна была довольна. Я звонила ей.
- Что тогда?

Мария отошла и встала у стола. Чтобы видеть ее, Лехе тоже пришлось переместиться и встать лицом к свету. В носу сразу стало щекотно, и он чихнул.

- Будьте здоровы, – без улыбки сказала Мария.
- Спасибо, – смутился старший лейтенант и шмыгнул носом.
- Понимаете, у меня возникло стойкое ощущение, что кроме девочек был кто-то еще. У Лехи торчком встали оба уха, как у охотничьей собаки.
- Объясните точнее, – совсем другим тоном спросил он. – Что значит – ощущение?
- Понимаете, девочки – студентки. Постоянно торчать в квартире подопечной не могут. Да этого и не требовалось. А с понедельника у них начались зачеты, поэтому они Ирину Павловну предупредили, что прийти смогут лишь в пятницу.

- Это она вам сказала?

- Нет, я звонила в центр, а потом говорила с девочками.

- То есть они утверждали, что до среды в доме не бывали? И вы уверены, что они не лгут?

- Не лгут. Дело в том, что обе учатся в Петрозаводске. В колледже. Заочно. Большую часть времени проводят дома, в Питере. Ну и волонтерят на досуге. А сейчас у них сессия.

- Даже если в центре подтвердили, что с понедельника их не видели, то это вовсе не значит, что они на самом деле уехали. Одна из них или обе могли остаться.

- Я же говорю вам: есть доказательства! – рассердилась Мария.

На лбу у нее прорезалась морщинка. Тишков рассердился. Подумаешь, какая специалка по проверке алиби подозреваемых!

- Ну и какие же это доказательства? – с ехидцей поинтересовался он.

- В понедельник... еще до всего этого... пообщалась с ними по видеосвязи. Надо было узнать последние данные о здоровье Ирины Павловны. Сама она не стала бы рассказывать. Так вот, девчонки были в колледже. Это точно не подделаешь. На записи видно. И слышно.

- Но старуха умерла в среду.

- Так мы и в среду утром разговаривали. Они сами на связь вышли. Забыли сказать, что надо купить лекарственного чая. Он закончился, а они не успели. Ирина Павловна регулярно принимала специальный мочегонный настой. Ей было очень важно всегда иметь его под рукой. Я отругала их за то, что сразу не сказали, и помчалась в аптеку. А когда зашла в квартиру, Ирина Павловна уже была мертва. Хотя... Не знаю. Утром я ей не звонила. Накануне вечером только. Перед сном. Все было, как всегда.

- Время смерти установит экспертиза, но, похоже, волонтеры ни при чем.

- Ни при чем. Но... когда Ирину Павловну увезли, я автоматически выложила чай и убрала его в шкафчик на кухне.

- И что?

- Там лежала новая пачка со свежим сроком. Чай кто-то купил до меня, – медленно произнесла Мария.

- Так, может, девочки перепутали? Купили и забыли.

- Вдвоем забыли? У них склероз, что ли? Когда мы разговаривали, они точно сказали, что чая в коробочке осталось две ложки, не больше. И вдруг забыли?

- Она могла купить сама. Она же на улицу выходила, вернее, выезжала?

- Соседка качнула головой.

- Не выезжала, к сожалению. После смерти мужа пять лет назад она не выходила на улицу. Его сбила машина почти у самого парадного. С тех пор... Мы тогда и подружились, хотя я уже жила в этом доме. Попросила папу помочь с похоронами. Ирина Павловна была не в состоянии ничем заниматься. Ну вот...

- А могла она позвонить кому-нибудь и попросить сходить в аптеку?

– До сих пор она пользовалась только моей помощью. Ну и девочек. Ирина Павловна очень деликатный человек. Чужих людей напрягать не будет ни за что. Если бы чай закончился, она бы просто ждала.

– Но кого-то старуха все же напрягла! Чай не сам появился.

– Да, конечно, и это ставит меня в тупик. Она очень давно живет замкнуто. Родные умерли. И еще. Алексей – так, кажется? – пожалуйста, не называйте ее старухой. У нее имя есть.

Леха немедленно покраснел.

– Простите, не хотел обидеть.

– Ирина Павловна была чудесным человеком. Мне бы не хотелось, чтобы о ней отзывались неуважительно, – словно извиняясь, сказала Мария и тут же предложила:

– Если вы не против, можем перейти на «ты».

Старший лейтенант Тишков растерялся.

– Да... собственно... почему нет? Не против.

– Тогда скажи: ты веришь, что я ничего не выдумываю? – спросила Мария и уставилась прямо в его лицо.

Леха легонько подергал себя за ухо – никак не мог отделаться от дурацкой привычки – и кивнул.

– А что ты слышала ночью?

– В комнате кто-то был. Я хотела пойти проверить, но, честно говоря, испугалась.

– У тебя ключ остался?

– Да.

– А что конкретно ты слышала?

– Шум. Тихий, правда. Возню какую-то. Не могу точно описать.

– Как будто что-то искали?

– Именно. Я так и подумала.

– А после... ну, то есть, когда тот человек ушел, ты сюда заходила?

– Нет. Думала, могу затоптать следы или что-то в этом роде. Написала заявление и через папиного помощника передала в полицию. А надо было зайти?

– Ни в коем случае! Правильно, что не зашла, – успокоил ее Тишков и тут же подумал: следы, если они и были, благополучно затоптал один бестолковый оперативник, полчаса разгуливавший по квартире убитой.

– А ты ничего не обнаружил? – словно нарочно спросила Мария и взглянула, как ему показалось, с надеждой.

– Да я только начал, – решил схитрить Леха и быстро спросил: – Следы поисков не заметила?

– Нет. Все лежит на своих местах, но это ведь необязательно – устраивать в квартире погром?

– Конечно, если времени много и ты уверен, что тебя не застукают.

– Тот, кто тут был, мог не знать, что я вернулась и слышу его шаги.

– Тогда посмотри внимательно. Может быть, что-то пропало?

– Наоборот. Появилось.

Леха растопырил глаза.

– Что?

Мария указала на стол.

– Книги. Раньше их не было.

Леха взглянул на стол. Там в самом деле лежали три книги, по виду совершенно новые.

– А что за книги?

– «Грозовой перевал», «Замок Броуди» и «Сказки Гофмана». Это все любимые. Кстати, они уже были у нее, только старые, истрепанные.

– То есть выбор не случайный?

– В том-то и дело!

– А могли волонтерки купить по ее просьбе?

– Я уже их спрашивала. Они о книгах ничего не знают.

– То есть книжки появились в промежутке между понедельником и средой. Понятно, – сказал Леха, хотя ничего понятного тут не было.

– Девочки навещали ее в определенные дни и часы, – задумчиво произнесла Маша, – поэтому точно знать, был ли кто-то еще, не могут. Не факт, что Ирина Павловна с ними делилась. Девочки хорошие, но не из тех, кто ведет душевные беседы. В принципе, они не успели как следует сблизиться с подопечной за этот месяц. При них никто не приходил, но получается, что кто-то был в другое время. Эти книги, они...

Мария протянула руку к книгам.

– Стоп! Ты что? Нельзя трогать. Надо сперва отпечатки снять. А что она читала, когда...

– Гофмана. Наверное, «Щелкунчика» перед Рождеством хотела перечитать.

– Книга лежала на теле?

– Нет. На полу рядом с диваном.

– Так, как будто упала? Или ее положили?

Мария задумалась.

– Как будто свалилась.

Леха подошел к столу и еще раз внимательно посмотрел на книги. Гофман лежал отдельно, ближе к краю. Наверное, санитары положили, когда тело забирали. Им же невдомек, что на книге могли остаться отпечатки.

– Мария...

– Маша.

– Маша, пакет из кухни можешь принести? Три.

Она стрелой кинулась на кухню и притащила пакеты, в которые Леха, соблюдая меры предосторожности – то есть надев перчатки, – сложил книги.

– Придется у тебя тоже отпечатки пальцев...

Он не успел договорить. Звонок в дверь заставил их вздрогнуть.

– Это ваши, что ли? – спросила Маша.

Леха напрягся. Хорошо, если наши!

Звонок дребезжал требовательно. Он решительно прошагал в коридор.

– Ты чего так долго не открываешь? – спросила Леля и водрузила на тумбочку в коридоре свой рабочий чемоданчик.

Леха даже дар речи потерял.

– Я уже думала, ты ушел, и в квартиру я не попаду. У тебя телефон где?

Застигнутый врасплох Леха откашлялся и сипло ответил:

– В куртке.

– Ты не слышал? Я сто раз тебя набрала!

Леля сняла ботинки и бодро направилась в комнату. Маша шагнула ей навстречу:

– Здравствуйте.

Увидев неизвестную девицу, Леля притормозила. Ее румяное личико вытянулось, улыбка сползла с него.

– Это соседка Ирины Павловны, Маша.

– Очень приятно, – сказала Леля напряженным голосом и тут же натянула на лицо профессиональное выражение равнодушного внимания. – Соседка? Отлично. Скажите, вы в курсе, что Ирина Павловна красила ногти?

Маша улыбнулась.

– О да! И не только на руках! Она и педикюр регулярно делала! И волосы постоянно подкрашивала! И маски для лица! Она была дамой с головы до ног!

– На дому делала? – уточнила Леля.

– Ну да. Она не выходила. Я уже говорила Леше, что...

– А кто делал? Вы? – нетерпеливо перебила Леля и поджала губы.

– Нет, что вы! Люба. Она маникюрша, но умеет и волосы красить, и укладку сделать, а еще – массаж. В общем, специалист широкого профиля.

– А почему ты мне о ней не сказала? – недоуменно спросил Леха.

– Забыла. Прости и не ищи подвоха. Люба приходит лет пять уже. Она так примелькалась, что я не воспринимаю ее как чужую.

– Так, может, это она чай принесла?

– Ирина Павловна никогда не просила ее о таких вещах. Люба – мастер, а не сиделка. Я же говорила тебе – она очень деликатная. Была. Она даже ко мне обращалась лишь потому, что я взяла с нее слово.

– Какой чай? – насторожилась Леля.

– В шкафчике на кухне, – ответила Маша. – Он не распечатанный еще. А в старой пачке совсем немного оставалось.

– Я возьму для анализа, – сообщила Леля и вышла.

– Леша, поверь: Люба ни при чем. Не знаю, как это доказать, но так и есть.

– Мне нужны ваши отпечатки, – официальным тоном заявила Леля, выходя из кухни, и раскрыла чемоданчик.

Маша с готовностью вытянула руку.

– Заодно и мои возьми, – произнес Леха несколько сконфуженно. – Или это необязательно?

Леля на вопрос не ответила, обернулась и выразительно на него посмотрела.

Леха моргнул.

«Наверное, не хочет, чтобы наш разговор посторонние слушали», – решил он и кашлянул.

– Можно я пойду? – спросила Маша, вытирая пальцы.

– Да, да, иди...те, конечно. Мы с вами свяжемся, – заторопился Леха, ускользая от Лелиных глаз.

Маша направилась к двери и, кажется, усмехнулась, выходя. Тишков закрыл за ней дверь, немного постоял, собирая в кулак мужество, и вернулся в комнату.

Леля стояла у стола и осматривалась – точно так же, как совсем недавно они с Машей.

– Ты же завтра хотела трупом старушки заняться? – миролюбивым тоном начал Тишков.

– Не смогла уснуть, – объявила Леля, глядя куда угодно, только не на него. – Меня мучил какой-то диссонанс.

– Накрашенные ногти? – догадался Леха.

Она кивнула.

– Ну представь: старухе восемьдесят пятый год, и вдруг – педикюр с маникюром.

– А так не бывает?

– Бывает, наверное, но в другой стране. У нас старухи от пенсии до пенсии дотягивают на хлебобулочных изделиях. Соседка Маша сказала, что эта ухаживала за собой регулярно. Интересно, на что?

– Это дорогое удовольствие?

– Недешевое. Особенно, если на дому.

Леля раскрыла чемоданчик и стала в нем ковыряться.

– Может, у нее какие-то сбережения имелись? Не век же она пенсионеркой была, – предположил Тишков, просто чтобы заставить Лелю взглянуть на него.

Не тут-то было. Леля продолжала в том же духе.

– Ты на квартиру посмотри. Это же нищета. А в кухне что?

– Да то же самое примерно.

– Значит, и питалась она в традиционном для пенсов духе. Зачем вообще ей маникюр?

– Намекаешь, что ее могла маникюрша убить? Но как? Или ты что-то обнаружила все-таки?

– Вчера стала брать материал из-под ногтей и вдруг задумалась: странно для бабульки так изгаляться. Следов посторонних ДНК, кстати, не нашла.

– Даже маникюрши Любы?

– Даже. Они сейчас в перчатках работают.

– А зачем Любе пять лет ждать? – продолжал Леха, стараясь заглянуть ей в глаза. – За это время денег стало меньше. Да и Маша считает...

– Мне неинтересно, что считает твоя Маша! – взъярилась Леля. – Раньше деньги были не очень нужны, а теперь понадобились! Или она узнала, что старушка богаче, чем казалось. Да мало ли что! Люба – подозреваемая номер один!

Лехе эта версия казалась немного шаткой, но ссориться с Лелей не хотелось.

– Маша сказала, что ночью, когда старуху уже увезли, она слышала шаги и возню, – сообщил он, двигаясь вокруг нее кругами.

– Молодец твоя Маша! – язвительно прокомментировала Леля.

Леха решил зайти с другого бока.

– А чем ее могли отравить? Чем-нибудь традиционным? Мышьяком, цианидом, ботулотоксином?

– Ну, во-первых, следы этих ядов легко обнаружить, а во-вторых, у нее были бы рвота, паралич дыхательной системы, асфиксия или спазм сердечной мышцы. А бабуля лежала спокойно и читала. Я же рассказывала.

– Ну тогда чем? Ты пыталась выяснить?

– Что значит пыталась? Это и есть моя работа, между прочим. Говорю еще раз – следов не обнаружила. Конечно, маникюрша – не Джеймс Бонд, агент ноль ноль семь, но... Кстати, была одна деталь. На языке я нашла следы лака.

– И что это значит?

– Не знаю. Бабулька заусеницы откусывала.

– А лак мог быть покрыт ядом?

– В принципе, мог. Но следов нет!

– Все равно, – обрадовался Леха, – у нас уже есть подозреваемый. Ты права! Надо узнать у Маши, где найти эту специалистку широкого профиля.

Леля встрепенулась и быстро двинулась к выходу.

– Давай я схожу, а ты пока поищи телефон, какие-нибудь записные книжки, календари. Бабулька должна была записывать даты, когда Люба к ней приходила, – повелительным тоном произнесла Леля и быстро вышла.

Леха с готовностью стал выполнять указание, раздумывая, за что она на него злится.

Никаких записных книжек он не нашел и насчет Лели ни до чего не додумался. Она же не обидчивая вроде, а тут налицо все признаки того, что он чем-то не угодил. Кстати, надо сказать ей, что отпечатки могут быть на книгах. Может, их маникюрша и подарила? У Маши никакой версии нет, но это ничего не значит. Их могли подарить для отвода глаз, чтобы иметь повод лишний раз прийти в квартиру. Кто мог это сделать? Конечно, Люба.

– Надо эту Любу хорошенько потрясти, – забывшись, произнес он вслух.

– Не потрясешь. Бурцева по моей просьбе ей уже позвонила. Они с мужем во вторник утром улетели в Арабские Эмираты. Вернутся через неделю, – сообщила Леля, входя в комнату.

– Так, отлично! На бабулькины деньжата и полетели! – обрадовался Леха. – Маша, то есть Бурцева, сказала ей, что старушка умерла?

– Нет, конечно.

– А сама Люба не поинтересовалась?

– Нет.

– То есть она уже знает. Откуда?

– А ты не допускаешь, что у Любы мог быть сообщник?

– Мог. Тогда понятно, кто ходил по квартире в ночь со среды на четверг. Кстати, эти книжки ей могли подарить преступники или преступник. Я уже упаковал.

– Проверим, – деловито кивнула Леля. – Ну что, нашел чего-нибудь интересное?

– Нет, и это настораживает. Не может быть, чтобы никаких записей не велось. И телефон я не обнаружил. Все говорит о том, что из дома унесли не только деньги.

– Забрали как раз то, что могло указать на убийцу. Надо внутренности ящиков на следы купюр проверить, хотя вряд ли. Если она их в ящике и держала, то скорей всего в пакетике. Сейчас я на всякий случай сниму отпечатки с поверхностей, а книги с собой заберем, ладно? Подождешь меня?

Конечно, подождет! Он вообще всю жизнь может ее ждать! К тому же она, кажется, сердится немного меньше.

Леля прытко принялась за дело, а он стал снова осматривать и ощупывать квартиру, двигаясь параллельным курсом, чтобы не мешать ей.

Версия, в принципе, уже вырисовывалась, и специалистка широкого профиля Люба вполне в нее встраивалась.

Вернувшись в отдел, он быстренько напишет рапорт. Возбудят уголовное дело, он станет его расследовать, поймает убийцу и после этого станет у начальства на хорошем счету.

Перспективы были не просто хорошие, а заманчивые!

Вот только рапорт Тишков написать не успел.

И доложить, как положено, начальству тоже.

По дороге в отдел, искоса поглядывая на задумавшуюся о чем-то Лелю, он все еще был убежден, что практически раскрыл убийство. Осталось лишь собрать доказательную базу и дожидаться возвращения Любы.

Леля выскочила из машины и сразу побежала к себе. Даже не улыбнулась на прощание.

Леха постоял, глядя ей вслед и ощущая тяжесть в сердце, а потом двинулся к двери, ведущей в отдел полиции.

У самого крыльца тяжелый порыв ветра чуть не сбил его с ног, ударил прямо в лицо, залетел в горло, залепил глаза. Леха задохнулся, закашлялся и в это мгновение вдруг понял, что Люба тут ни при чем даже вдвоем с сообщником.

Как понял? Да просто понял, и все.

Конечно, со стороны все выглядело элементарно. Кому, как не Любе, травить? В понедельник она красила старухе ногти, а во вторник улетела, чтобы остаться вне подозрений. Потом сообщник уничтожил улики. Но старуха умерла в среду! Если яд был в лаке, то почему смерть настигла беднягу через двое суток? Он медленно действует? Маша разговаривала с Ириной Павловной во вторник вечером, и та была жива и здорова! Что за яд такой? Последняя разработка ЦРУ? Откуда он у маникюрши? Ее сообщник в лаборатории по производству ядов работает и решил испытать его на старушке? Это уже не Конан Дойл, а просто... как его... Стивен Кинг какой-то!

Леха замер, не дойдя до двери.

Нет! Не похоже на Любу и ее мифического сообщника, которого, возможно, вообще нет! Здесь действовал кто-то другой. Умный, хитрый и очень опасный!

Именно он купил чай и подарил книги. Он убил старушку и сделал это так, что никто ничего не может выяснить.

Кто же это?

Леха постоял еще немного и вернулся к машине. Надо снова побывать в квартире убитой и поговорить с Машей.

До места он не доехал. Пока стоял в безразмерной пробке на Невском, прошло два часа. Позвонила Леля и закричала так, что у него зазвенело в левом ухе:

– Я нашла отпечатки преступника! Аж два пальца!

Лелю он обнаружил за своим рабочим столом. Перед ней лежала книга сказок Гофмана.

– Сначала я проверила лак для ногтей. Мимо. Потом решила, что все дело в чае, но он чист. Кстати, на новой пачке отпечатки тоже отсутствуют. Тогда я взялась за книги. На первых двух – ничего, а вот на Гофмане обнаружилось сразу два отпечатка! – сообщила Леля, сверкая очами.

Леха смотрел во все глаза. Какая же она красивая!

– Не знаю, почему, но мне показалось подозрительным, что отпечатки я нашла именно в этой книге. Ну, то есть не то чтобы показалось, а словно инсайт какой-то случился. Причем отпечатки были на внутренней стороне суперобложки. Значит, преступник не просто брал ее в руки, но и что-то с ней делал. Когда стирал отпечатки, эту сторону забыл. Так вот!

– Подожди. Ты отправила отпечатки на идентификацию?

– Отправила, конечно, но ждать придется до понедельника.

– А потом выяснится, что в базе их нет, и мы упремся головой в стену.

– Не делайте поспешных выводов, товарищ старший лейтенант. Лучше послушайте, что я скажу.

Леха с готовностью придвинулся к Леле. Она больше не сердится, а это хорошо при любом раскладе.

– Я раскрыла книгу и на тридцатой странице нашла закладку. Просто листок календаря.

– И что?

– Ирина Павловна вовсе не «Щелкунчика» читала, а «Крошку Цахеса».

– Это про мальчика-с-пальчика, что ли?

– Соболезную твоей необразованности, но это рассказ про уродца, который всем казался писаным красавцем.

– Как Щелкунчик? – не обидевшись, спросил Леха.

– Только наоборот. Однажды фея пожалела бедного страшилку, расчесала его безобразную голову волшебным гребешком и вплела три огненных волоска. С той минуты все видели Цахеса не таким, каким он был на самом деле, а самым прекрасным и умным господином по фамилии Циннобер.

– Повезло парню, – хмыкнул Леха, подумав, что тоже не отказался бы от такого подарка.

– Но ненадолго. Один студент, у которого Цахес увел невесту, вырвал волшебные волоски, и все прозрели.

– Не пойму, к чему ты клонишь.

– Я нашла в рассказе место, которое старушка подчеркнула ногтем и даже оставила закладку. Вот послушай: «Теперь нет сомнения, что уродливый Циннобер не альраун и не гном, а обыкновенный человек. Но тут замешана какая-то таинственная, колдовская сила, открыть которую мне покамест не удалось». След ногтя очень глубокий, словно она была в состоянии крайнего возбуждения, негодования или обиды.

Тишков очень близко увидел Лелины глаза, в которых плескалась очень важная мысль, и понял, что для него настает момент истины.

Он изо всех сил поднатужился и выдал:

– Старушка разгадала замысел убийцы или просто догадалась, что он не тот, за кого себя выдает. То есть она думала, что он хороший, а он злодей. Она его разоблачила и, наверное, собиралась...

Договорить не получилось. Даже воздуху набрать он не успел. Леля вдруг потянулась к нему губами и поцеловала так, словно ждала этого мгновения всю жизнь.

Некстати вдруг вспомнилась слышанная где-то фраза, что от поцелуя в животе начинают порхать бабочки. Никаких бабочек Леха не почувствовал, зато услышал, как его сердце громко, прямо на всю ивановскую, заколотилось, а в голове просто вихрь какой-то возник, причем неуправляемый.

От неожиданности он чуть на стул не свалился. Да и упал бы, но Леля вдруг обняла его и притянула к себе.

Наверное, старший лейтенант продолжал бы тупить, но тут чей-то голос в голове громко произнес: «Не тормози, кретин! Ты мужчина или кто?»

Леха Тишков, привыкший четко выполнять команды вышестоящих, не оплошал и тут.

– Леля, я тебя люблю, – шепнул он прямо в раскрытые нежные губы и обхватил ее двумя руками.

Наверное, именно этих слов она ждала, потому что глубоко вздохнула и прижалась еще сильнее.

В эту же секунду Леха перестал соображать вообще и, наверное, натворил бы дел, но Леля неожиданно прервала поток его фантазии.

– Так что ты хотел сказать? – спросила она, отпуская его губы и глядя снизу влажными глазами.

– Ммм... – выдавил Тишков.

– Она хотела его разоблечь, – подсказала ему Леля.

– Кого? – не понял Тишков.

– Того, кто втерся к ней в доверие с корыстной целью.

– С какой? – продолжал тормозить старший лейтенант, не разжимая объятий.

– Это ты и должен выяснить.

– Как?

И тут Лелино терпение лопнуло. Ну в самом деле, любовь любовью, а дела-то делать надо! Она вырвалась и легонько стукнула его по коротко стриженной голове.

– Кончай идиотничать, Леш! Кого, как! Того, чьи отпечатки я нашла!

Леха помотал головой. Немного полегчало.

– Значит, что нам уже известно, – начал он, подергав ухо и постепенно обретая прежнюю форму. – Некий тип узнает, что у старушки есть деньги или ценности, и под неизвестным нам пока предлогом проникает к ней в дом.

– Он не просто знакомится со старушкой, а втирается в доверие! Он допущен к покупке чая! Он дарит ей книги! Да они друзья! Она проникается к нему симпатией, однако никому о нем не рассказывает. Почему?

– А кому рассказывать? Маши нет, а девочкам все равно, – махнул рукой Леха. – Но мне интересно другое – от кого он мог узнать, что у старухи есть чем поживиться. Кандидатов четыре – маникюрша, волонтерки и... Бурцева Мария.

– Мне кажется, Марию можно вычеркнуть. Она давно знакома с бабушкой и за это время могла вынести из дома все, что угодно. Кроме того, глупо было подавать заявление.

Тишков умилился. Надо же, какая благородная девушка! А казалось, что Маша ей не нравится. Неизвестно, почему, правда.

– Ее могли использовать втемную, но, в целом, я согласен. Тогда Любу тоже предлагаю отложить, все равно она пока в Эмиратах. Если что, успеем ею заняться.

– Хорошо. Начнем с девчонок, – согласилась Леля. – Эти болтушки могли растрепать кому угодно. Мол, живет старушка вроде бедно, а сама делает маникюр и волосы красит не перекисью, а дорогой итальянской краской. И крем для лица у нее тоже не за сто рублей, я состав проверила. Кто-то из их знакомых слышит разговор. Ограбить старушку – дело плевое, надо только с ней подружиться, узнать, где она прячет богатство, и быстренько прикончить божьего одуванчика.

Тишков кивнул и вопросительно взглянул на Лелю.

– Школьные друзья? Подруги-волонтерки?

Она почесала кончик носа.

– Мне кажется, надо начинать с волонтерского центра.

– Поехали вместе?

– Нет, один поезжай. Мне в голову одна мысль пришла, хочу ее проверить.

– Что за мысль?

– Сначала убедюсь... убежусь... тьфу! Потом расскажу, в общем!

Леха кивнул и прикинул, можно ее сейчас поцеловать или лучше не нарываться. Вид у нее уж слишком деловой и озабоченный.

Пока он раздумывал, Леля решительно прошагала к двери, а потом вдруг вернулась и чмокнула его в губы.

– Я тоже тебя люблю.

К волонтерскому центру Тишков подъехал, все еще находясь в трансе от всего, что случилось между ним и Лелей. Пришлось прямо в машине сделать небольшую зарядку и интенсивно размять лицо, стирая следы эйфории.

В центре находились всего трое ребят. Двое парней сидели за компьютерами и, похоже, играли, а девушка раскладывала по коробкам пакеты с продуктами.

«Один с сошкой, семеро с ложкой», – подумал Леха и направился к девушке. Она подняла глаза и улыбнулась.

Эта точно поможет. Коммуникабельная.

Тишков представился. Девушка посерьезнела.

– Мне всего лишь пару вопросов задать.

– Что вас интересует?

– Две ваши девушки – Настя Гольцова и Катя Рыжова.

– Сейчас их нет. Они на учебу уехали.

– Я знаю. Вы ведь из руководства, правильно? Хорошо с ними знакомы?

– Что-то случилось? На них поступила жалоба? – встревожилась девушка.

– Нет, что вы...

– Света. Полунина.

– Нет, Света. Никаких жалоб. Просто расскажите о них немного. Давно ли тут? С кем общаются?

– Вообще-то, давно. Со школы еще. То есть два года. Насчет друзей – мы тут все дружим. Настя часто парня приводит.

– Что за парень?

– Ну... ее парень. В школе учились, а теперь встречаются. Иногда он тут помогает, когда группомощь поступает.

– А как его найти, не знаете?

– Телефона у меня нет, но Настя говорила, что он живет в соседнем подъезде.

– Адрес Насти есть?

– Конечно. Все данные. Она же у нас на постоянной.

Тишкову не терпелось кинуться по следу, но надо было вытянуть из Светы все. Он спросил ее о Кате, но у той парня не оказалось. Во всяком случае, сюда не заявлялся. С другими волонтерами девушки общались, но, так сказать, со всеми сразу. Где? Да здесь же. Они часто общаются, обсуждают проблемы. О старушке, к которой они ходили, ничего не рассказывали. Отчитывались, конечно, но только о том, какую работу выполнили.

В Светином рассказе ничто не привлекло внимание, не зацепило, но Тишков уже и так понял, что надо найти парня Насти Гольцовой. Тут горячо.

А вдруг получится расколоть с налету?

Старший лейтенант покинул волонтерский центр и рванул по адресу волонтерки Насти. Жила она на Оренбургской, недалеко от Пироговской набережной.

Хорошо, у Насти обнаружился младший брат, который с ходу выложил, что Гоша Тонков живет в двадцать восьмой квартире, но дома его нету. Он в баре работает официантом и сейчас на работе.

– А что за бар?

– Да сразу за углом. Не ошибетесь, – ответил брат и засунул за щеку вкусно пахнущую чипсину.

Леха сглотнул слюну. Черт! А ведь он с утра ничего не ел! Заодно и перекусит в баре. Если денег хватит.

Денег хватило на кофе с бургером. Уплетая его, Леха присматривался к официантам. Один, высокий и тощий, показался ему подходящей кандидатурой.

– Эй, ты случайно не Гоша? – спросил он, когда парень проходил мимо.

– Гоша. А в чем дело?

Парень не испугался, не задергался, даже глаза не забегали. Неужели мимо?

– Поговорить надо. Присядь.

– Нам не положено.

Тишков вынул удостоверение. Гоша кивнул.

– Тогда давайте на улице у служебного входа.

Леха быстренько дожеввал гамбургер и, чувствуя в животе приятную сытость, вышел.

Разговор с Гошей не принес ожидаемого результата. В ночь, когда Маша слышала шаги, он работал, а в среду с самого утра и до обеда проходил диспансеризацию в поликлинике. Это тоже могут подтвердить человек десять.

А ведь казалось, так здорово все сложилось! Старший лейтенант было приуныл, но, подумав, решил, что сдаваться рано.

– Настя что-нибудь рассказывала вам о старушке, за которой они с Катей ухаживали?

Гоша вскинул глаза, вспоминая.

– Рассказывала. Обе они говорили, что бабулька прикольная донельзя. Самой уже прогулы на кладбище ставят, а она все прихорашивается. Бабулька пожаловалась, что девчонки плохо за ней ухаживали?

– Нет, не жаловалась. А не было версий насчет того, для кого она красоту наводит?

– Да какие могут быть версии! Бабушка никуда и не ходит, почти не встает. Ее соседка навещает, которая договаривалась насчет патронажа, и все. Девчонки все смеялись, что она педикюр делает красным лаком, словно любовника ожидает. Только разговор этот давно был, когда к Катюхе брат приезжал. Мы как раз в баре сидели.

– Брат?

– Ну да. То ли двоюродный, то ли троюродный.

– Имя помните?

– Толик. Или Алик. Нет! Валик! Точно! Валентин.

– Что еще о нем знаете?

– Ничего особенного. Отличный парень. Приятный в общении. Да мы всего один раз виделись. А что случилось? С девчонками все в порядке? Настя вчера звонила, но ничего не сказала.

– С ними все в порядке, – успокоил Тишков и подумал, что пора ему самому пообщаться с волонтерками.

Что еще за троюродный брат?

Он распрощался с встревоженным Гошей, двинулся к машине и решил позвонить Леле. Только он собрался это сделать, как она позвонила сама.

– Ты «Имя Розы» читал? – огорошила Леля вопросом.

– Кино смотрел, – честно признался Леха.

Еще начнет выпрашивать, что да как в книге написано! Если проколется, будет считать его вруном! Лучше не рисковать.

– Помнишь, как умирали монахи? – продолжала литературную викторину Леля.

Леха собрался ответить, что не помнит, но тут откуда-то налетел сильный ветер, снег взметнулся с тротуара, закружил и чуть не снес с ног. Тишков успел ухватиться за перила ограждения, тянувшиеся вдоль набережной. Эта снежная кутерьма что-то выдула из забитого разными мыслями мозга, и Леха неожиданно для себя произнес:

– Они травились мышьяком, которым слепой монах смазал страницы книги.

– Точно! Страницы слипались, монахи мусолили пальцы и слизывали яд.

Снежная карусель на мгновение стихла, и Тишкову удалось разглядеть свою машину, припаркованную у самого парапета шагах в десяти. Леха нагнул голову и пошел, прикрываясь воротником.

– А к чему ты спросила?

– К тому, что нашу старушку отравили точно так же.

– Не может быть! Ты бы сразу обнаружила следы мышьяка!

– Ни в желудке, ни в пищеводе, ни на слизистых ничего не было, можешь мне поверить!

– А как же тогда?

– Приезжай быстрее, все покажу!

Приехать быстрее все же не удалось. Метель снова собрала большущую пробку, так что добираться до Лели пришлось почти два часа.

– Где ты ходишь? – с порога набросилась она.

– Так я...

– Иди быстрее сюда!

Не слушая его лепет, она потянула его за рукав и первым делом сообщила:

– Я дура! Представляешь?

– Нет! – твердо ответил Леха.

– Я не догадалась поискать следы на пальцах! На подушечках! – радостно блестя глазами, объявила Леля.

– Ты нашла на них следы мышьяка? – поразился Тишков.

– Да нет же! – возмутилась Леля.

Леха уставился обескураженно.

– Не понял.

– Да что тут непонятного! Забудь про мышьяк! Он давно не в тренде! Тут что-то поинтереснее! Типа рицина или сакситоксина, пока не знаю, но сейчас не об этом! Сам яд не определился, но она слюнявила средний палец на правой руке. Это ясно?

– Это ясно. Но почему ты решила, что она...

– Да потому, что несколько страниц «Крошки Цахеса» были слипшимися! С тридцать четвертой по сорок первую.

– И на них – следы яда?

– Ну, блин! До чего же вы, менты...

– Да ты толком объясни, – обиделся за ментов Леха. – Сама ничего объяснить не можешь, а мы, типа, тупые.

– Яд следов не оставил. Ни на листах, ни на пальцах. Нигде.

– Так, может, листы слиплись, потому что книга новая? Страницы иногда плохо разрезаны. Не слышала о таком?

– Слышала. Но листы не склеены краями были, они именно слиплись. Я думаю, яд имел кристаллическую форму, то есть это порошок. Чтобы намазать страницы книги, его надо было развести водой до консистенции, которая могла удержаться на поверхности бумаги.

– Типа, кашицы.

– Ну да! Яд на момент экспертизы уже улетучился, а страницы остались слипшимися. В краске, которой окрашивают бумагу, присутствуют соединения, которые при намокании дают склеивающий эффект. Чтобы разделить страницы, Ирина Павловна облизывала палец, она долистала до тридцать восьмой и умерла. Буквально с Гофманом на устах.

– А почему ты уверена, что яд все же был? Ты ведь ничего не обнаружила?

– Именно поэтому! Если бы это был твой любимый мышьяк, следы сразу бы нашлись! Но просто так слипнуться страницы не могли! Яд был, я в этом уверена! Но он не оставил следов!

– Значит, «Новичок» или что-то в этом роде? Выходит, Ирину Павловну убили агенты спецслужб? Зачем им старушкины деньги?

Леля вздохнула.

– Вообще-то, я надеялась, что ты сможешь это выяснить.

Леха почувствовал, как ее надежды надавили на его плечи.

Он уже пытался представить, что у Любы был сообщник – специалист ГРУ, но вот мог ли яд, который не смогла обнаружить экспертиза, оказаться у Катинного троюродного брата Валика?

Только в порядке бреда. Если, конечно, этот брат не секретный агент вражеской разведки.

– Ну? – нетерпеливо спросила Леля. – Что скажешь?

Черт возьми! Да что тут можно сказать? Какие богатства были у этой Ирины Павловны, чтобы ее травить супер-пупер ядом?

Леха посильнее дернул себя за ухо.

– А следов денег или золотых слитков ты не обнаружила?

– Нет. Но звонила твоя скалолазка.

– Кто? – не понял Леха.

– Ну Мария Бурцева, соседка, – глядя на него с подозрением, пояснила Леля, – так она сказала, что однажды Ирина Павловна обмолвилась о чем-то таком. Ее отец воевал, дошел до Берлина и из Германии вывез какие-то ценности. Старуха сказала об этом вскользь, Бурцева даже внимания не обратила. А тут вспомнила.

– Слушай, – встрепенулся Леха, – а ведь все складывается! Она продавала ценности и на это жила. Непонятно только, почему так бедно.

– Твоя Маша сказала, что в молодости Ирина Павловна была редкой красавицей. Даже после смерти мужа старалась выглядеть так, чтобы ему понравиться. А то, мол, на том свете он может ее не узнать. Мелочи быта ее не волновали.

Не сдержавшись, Леха фыркнул.

– Маникюр и педикюр – это для сохранения красоты, что ли?

– А почему нет? – сделав строгое лицо, поинтересовалась она.

Старший лейтенант пожал плечами. Они были широкими и вкупе с узкими бедрами в джинсах смотрелись очень даже неплохо. Леля глянула и вздохнула.

– Ладно, – нахмурился Леха, решив, что она вздыхает, опечалившись от его бестактности, – это я просто так сказал. Давай рассуждать вместе, если ты не против.

– Только сначала съедим чего-нибудь. Мой ускоренный метаболизм срочно требует заправки.

Что такое метаболизм, Леха догадывался смутно, но есть хотелось так, что живот сводило. Бургер, проглоченный второпях, давно канул в Лету. К тому же хотелось чего-нибудь горячего.

Они вышли и, подгоняемые январской метелью, в темноте побежали к машине.

В чебуречной, до которой смогли доехать, Леха набрал номер Кати. Девушка ответила почти сразу, вот только о своем брате многого рассказать не смогла.

Да, есть такой. Зовут Валерием. Старше ее лет на десять или больше. Три или две недели назад приехал. Нет, знает его плохо. Виделись до этого, когда ей был годик всего. Документы? А зачем ей его документы смотреть? Он сразу сказал, что сын тети Нади. Приезжал зачем? Да не сказал. По делам, наверное. Жил где? Откуда она знает! Тусил с ними несколько раз, а потом стал появляться реже. Уехал? Почему она знает! Она же на сессии. Нет, не звонил. Как выглядел? Отлично выглядел! Ей бы такого парня! Просто неудобно, он же брат! Описать? Ну... красавчик, одним словом! Приметы? Да вроде никаких! И вообще, он такой классный! Почему? Да просто классный, и все! А что вам нужно вообще?

Закончив разговор, Леха с минуту сидел, глядя перед собой и о чем-то сосредоточенно размышляя.

– Ну что? Выяснил? – спросила снедаемая любопытством Леля.

Леха поднял на нее глаза и медленно поводил головой из стороны в сторону.

– Да не может быть, что она совсем ничего про него не знает и даже описать не может! Как так? – возмутилась Леля.

Леха молчал еще целых три минуты, а потом выдал:

– Это он. Валерий.

– С чего ты взял?

Он пожал плечами.

– Понятно. Инсайт, – сказала Леля и покосилась на нетронутые чебуреки.

– Я должен его найти.

Леля, которой до ужаса хотелось есть, вспыхнула:

– Тогда давай ешь быстрее, а то он смоемся!

– Это если он уже нашел то, что искал.

– Конечно, нашел! Во-первых, он приходил в ночь на четверг. Во-вторых, сегодня пятница. У него был еще целый день и вся ночь!

– Ночью Маша его точно слышала бы, – авторитетно заявил Леха. – Ее кушетка стоит у самой стены. В четверг она все время была дома и прислушивалась: боялась, что преступник снова заявится. Даже заявление привез в полицию помощник отца.

– Да, мне она тоже об этом говорила.

– Вот поэтому я не уверен, что ценности найдены. Когда ищут, остаются следы. Не мог убийца разложить вещи в том же порядке.

– Просто аккуратно искал.

– Леля, ты не понимаешь! Все равно было бы заметно. Ценности не на столе в вазочке лежат. Я очень хорошо проверил. На полу следов было много, потому что «Скорая» приезжала. А в тумбочках, комодах и в шкафу – идеальный порядок. Даже не сдвинуто ничего.

– Может, он точно знал место?

– Предположим. Что ему нужно было сделать? Что-то вскрыть, взломать, на худой конец – открыть. Так? Тогда должны быть хоть какие-то следы.

– Да почему?

– Да потому что! Зачем ему наводить порядок, чтобы ничего не было заметно, если он уже взял то, что хотел? Ну сама подумай. Если бы он вскрыл тайник, то мы тоже его обнаружили

бы. Вскрытым, я имею в виду. Ему-то уже все равно. Уверен, он успел забрать лишь то, что лежало на поверхности. Думаю, его кто-то спугнул. Но он вернется.

Леля задумчиво потерла кончик носа. Леха невольно улыбнулся. Забавно у нее это получается!

– Пожалуй, ты прав. Хотя преступник не дурак и мог решить: если следов вскрытия тайника не заметят, все подумают, что старушка умерла своей смертью. Тогда все будет шито-крыто. Ведь не зря он использовал такой способ убийства. Где, кстати, убийца мог достать яд? Видно, он не простой гопник с базара.

На этот раз призадумался Леха. Если все так, как говорит Леля, то дело становится практически безнадежным. Чтобы установить, чьи отпечатки были на книге, надо кучу времени потратить. Мало знать, что их нет в базе. Брать отпечатки придется и у Любы, и у девочек-волонтерок, и у того санитара, который поднял книгу с пола. Хорошо хоть Маша книги не трогала. Впрочем, ее отпечатки у них уже есть. Пока возишься, преступник наверняка скроется. А если он решит не возвращаться в квартиру убитой? Вдруг он знает, что там побывала полиция? Леля сказала, что это не простой гопник. Судя по всему, так и есть. В общем, дело тухлое.

Кстати, а преступник почему голыми руками книги касался? Оплошал? Поверил в себя? Торопился? Не так уж он крут, значит.

А раз так, следовательно, унывать рановато! Все еще может получиться. Надо поехать и хорошенько обыскать квартиру. Что он, хуже преступника? Не сможет найти тайник?

И тут в Лехиной голове что-то тоненько зазвенело.

А если рискнуть и устроить засаду? Прямо сегодня! На удачу! Вдруг убийца все же вернется!

– Времени у него не так много. Квартиру опечатают, и все, – не заметив, произнес он вслух.

Леля встрепелась.

– Ну и что ты предлагаешь?

– Устроить засаду в Машиной квартире.

– Только не это! – вскрикнула Леля.

– Так ее же дома не будет. Мы незаметно и тихо придем вдвоем с Колескиным, а Маша громко и на виду уйдет на тренировку. И все! Застукаем гада!

Леля посмотрела в его горящие возбуждением и готовностью к подвигу глаза и вдруг поверила, что все так и будет – он обязательно поймает убийцу. Это же Леха!

Маша как раз собиралась уходить на тренировку, когда раздался звонок. Выслушав Лехино предложение, она даже вопросов задавать не стала, просто согласилась и все. Договорились, что приедут к ней через час.

Оставалось согласовать операцию с Худеевым, и тут Леха предвидел трудности. Однако начальника на месте не оказалось, и быть он обещался только в понедельник. Старший лейтенант решил, что это добрый знак, и, прихватив безотказного Колескина, поехал устраивать засаду.

Он даже не успел нажать на звонок у двери, как она отворилась, и Маша, прижав палец к губам, поманила их рукой.

– Мне кажется, он уже здесь, – шепотом сообщила она, когда мужчины на цыпочках зашли в квартиру.

Леха сразу прикинул, мог ли преступник слышать их шаги по лестнице.

– Хорошо, что вы поднимались одновременно с лифтом, не слышно ничего было, – прошептала Маша. – Глазка у Ирины Павловны нет, будем надеяться, он не прочухал вашего прихода.

– Что делать будем? – поинтересовался Колескин. – Братъ?

Леха нахмурился. Почему он пришел сейчас? Маша ведь дома.

– Я стала вас ждать и незаметно уснула. Кто-то в дверь звонил, но для вас было слишком рано, мы же через час договаривались. Вот я и не стала открывать.

Положительно, эта девушка слушает его мысли.

– Правильно сделала. Вдруг это он? Проверял, дома ли ты.

– Я так и подумала. Испугалась немного даже. Что мне теперь делать?

– Сиди тут, – шепотом скомандовал старший лейтенант и махнул рукой Колескину.

Дверь была заперта, и Леха мысленно похвалил себя, что на всякий случай взял у Маши ключи. С немыслимой осторожностью, не звякнув, он открыл дверь, и оперативники шагнули в квартиру.

Комната была освещена тусклым светом стоящего на столе маленького фонарика, поэтому человека, склонившегося над раскрытым нутром дивана, они заметили не сразу. Но тот, видимо, уловил движение у входа и резко выпрямился. Фонарик шлепнулся, свет упал прямо на преступника.

Леха увидел молодого красавца в распахнутом пальто, держащего в руках горсть мелких монеток.

Он сделал шаг, но красавец вдруг стремительно бросился к окну, дернул раму, одним движением вскочил на подоконник и присел, собираясь броситься вниз. Невольно вскрикнув, Тишков рванулся и успел вцепиться ему в волосы.

Раздался дикий крик, по полу со звоном заскакали монетки, преступник изо всех сил дернулся и... вылетел в окно.

Грохоча берцами, Колескин потопал вниз.

Двигаясь по инерции, Леха налетел грудью на подоконник, на мгновение у него потемнело в глазах. Он потряс головой, разгоняя боль, и перегнулся.

Сначала ничего разглядеть не получалось. Улица была освещена, но при такой погоде это не давало никакого эффекта. По тротуару мело нещадно, вихревые потоки взлетали до второго этажа, снег летел прямо в глаза, выбивая слезу, но Леха был уверен, что убийца там, внизу. Корчится от боли и пытается подняться.

Он свесился с подоконника и увидел выбежавшего из подъезда Колескина. Тот сначала метался из стороны в сторону, а потом остановился в недоумении, и Леха вдруг понял, что внизу... никого нет.

Из-за угла вынырнула машина, и в свете фар старший лейтенант вдруг увидел, как вдоль канала изо всех сил улепetyвает прочь маленький кривоногий человечек в длинном не по росту пальто.

Видно, напугали они беднягу.

– Лех, ты его видишь? – крикнул ему Колескин, задрал голову.

Тишков помотал головой.

– Ушел, гад, – с сожалением констатировал тот и сплюнул.

Утром в понедельник старший лейтенант доложил обо всем прибывшему в отдел начальнику. Играя желваками на толстых щеках – как только сумел! – Худеев выслушал и всыпал ему. За все. За отсутствие рапорта, за самоуправство, за щенячью самонадеянность, нарушение субординации, протокола и устава.

Леха решил, что ему кирдык, и мысленно уже собирал вещички с рабочего стола в коробку из-под обуви. Однако Худеев, выпустив пар, сделал неожиданное заключение:

– Иди отсюда, и до обеда чтобы я твоей рожи не видел, махновец!

– Есть, товарищ майор! – гаркнул Тишков, сообразив, что увольнять его пока не собираются.

В конце коридора маячила худенькая фигурка.

– Лешка! – бросилась к нему Леля и, схватив за рукав, взгляделась в его лицо. – Сильно ругали?

Леха сглотнул вязкую слюну и кивнул.

– Пойдем отсюда, – скомандовала она и потянула его за собой.

В ее маленьком кабинетике рядом с секционной, где Леля обычно осматривала трупы, было прохладно и тихо.

Леля усадила его за маленький столик, налила большую кружку крепкого чая, а потом устроилась напротив и, блестя глазами, сказала:

– Я исследовала золотые монетки из квартиры Ирины Павловны. Он держал их голыми руками. Отпечатки совпадают с найденными на книге Гофмана. Фоторобот составить сможешь? Отлично. И потом, гляди, что я нашла.

Леля протянула лист бумаги, на котором лежали три волоска. Леха удивился. Странные какие-то, рыжие. Чьи, интересно? Ведь сбежавший преступник был брюнетом.

– Это я с твоей куртки сняла. Ты вырвал, когда за волосы его схватил.

– Точно его? – не поверил Леха.

– Можешь не сомневаться.

Леля придвинулась к нему.

– Итак, у нас есть ДНК, отпечатки и портрет. Надежда не потеряна! Мы его обязательно найдем.

– Откуда такая уверенность? – буркнул Леха.

– Ты лишил его силы. Вырвал волшебные волоски.

– Что?!

Леха подозрительно взглянул на девушку. Какие волшебные волоски? О чем это она? Насмехается над неудачником?

Но Леля не насмехалась. Она смотрела очень серьезно, и было в ее глазах то, что заставило его кивнуть.

Это было странно, но Леха вдруг поверил, что так все и будет.

Метель за окном улеглась.

Шел тихий и легкий снег.

Где-то вдалеке зазвонили колокола.

Мир готовился встретить Рождество.

Евгения Михайлова

Ангел-хранитель

Лида Розова была рабой собственной доброты. Об этом знали все, кроме нее. Все – это в самом прямом смысле. Не было человека в районе, который не знал бы Лиду. «Это та, которая всех спасает». «Если ничего не придумаешь, попроси Лиду, она поможет». «Да не парься ты вообще: позвони Лиде, она и собаку выгуляет, и кошку покормит, да еще лотки помое».

Позвони Лиде – это стало спасительным кодом для очень большого количества людей, знакомых иногда только поверхностно – по месту проживания. Были, конечно, критичные и трезвые умы, которые останавливались в недоумении перед условиями этого уравнения: один человек, двадцать четыре часа в сутки, – и нескончаемый поток тех, кто получает помощь Лиды или рассчитывает на нее.

И не то чтобы Лиду окружали одни потребители и эксплуататоры. Лиду по-настоящему любили, с ней дружили нормальные и очень хорошие люди, в том числе скромные, корректные, понимающие, что она никому ничего не должна. Но чужая, доступная, постоянно активная доброта – это великий провокатор, такая ловушка и соблазн... Что рано или поздно самый независимый, самодостаточный и уверенный в собственных силах человек звонил Лиде:

– Извини, не оторвал ни от чего? Мне просто больше не к кому с этим обратиться. Дело в том...

И начиналась какая-то совсем уникальная история. Например, эта, которая так и не закончилась. Человек, который иногда, встречаясь с Лидой на улице, говорил ей «привет», после дружеской попойки в московской квартире оказался в карантинном бараке в Крыму. И вместе с похмельем к нему пришло острое понимание того драматического факта, что в московской квартире заперта одна-одинешенька кошка Тыква. А ключ от квартиры только у мамы, которая живет на другом конце Москвы. У мамы большое сердце, ее нельзя расстраивать ни Крымом, ни карантинном, ни тем более похмельем обожаемого сына. И, конечно, ее нельзя послать спасать Тыкву. Есть, конечно, друзья, те самые, с которыми выпивал и которые помогли «наконец-то выбраться на отдых в Крыму», мама знает их с его детства. Но это исключено – выводить их на маму и Тыкву, еще более невозможно допускать в квартиру. Там еще осталось... А не осталось, так они с собой принесут. И конец всему – в том числе работе и ремонту.

– Кстати, Лида, меня зовут Геннадий, если ты не помнишь. Я живу в девятиэтажке на пересечении с Островитянова. Маму зовут Нина Петровна. Адрес и телефон могу прислать СМС, если ты вдруг согласишься помочь.

– Конечно, помню, – воодушевленно отвечала Лида своим мелодичным голосом. – Это ты забыл: я же твою Тыковку возила на стерилизацию к своему ветеринару. Ей тогда было два года, она бросилась под колеса твоей машины, и ты, такой чудесный, не смог ее оставить на улице. Сейчас ей должно быть пять лет, мне очень хотелось бы ее увидеть. Я только думаю, как подать это все твоей маме...

– Моей маме это никак нельзя подавать, – решительно ответил обнаглевший Гена. – Она очень впечатлительная. Ей можно только врать. К примеру, я на важном совещании, а ты соседка и видишь, как из моей квартиры пробивается дым.

– Гена, ты точно нездоров. От такого любая мама с ума сойдет. Нет. Присылай адрес и телефон, я сама придумаю.

Лида была талантливым человеком, неплохим художником. Издательства заказывали ей иллюстрации к детским книгам и учебникам. Ее работы были изящными, легкими и по-детски милыми. Такими же были те решения, которые она умела принимать. К маме Гены она прие-

хала вся такая воодушевленная и восторженная. Рассказала, что ее сын Гена, замечательный архитектор и ее, Лиды, сосед (насчет архитектора – правда, только без «замечательный»), пригласил Лиду в свой уникальный проект: ему нужен художник для проработки деталей. Нужно торопиться, чтобы получить грант. И тут такая проблема: на совещание по проекту опаздывают зарубежные партнеры из-за проверок на границах. Гена там главное действующее лицо, он не может отлучиться. А в его квартире не только томится Тыква, но и лежат материалы для эскизов Лиды.

Мама, измученная своей изоляцией, была очень рада такому чудесному знакомству и замечательным подробностям из жизни и деятельности сына.

– Лидочка, дорогая, я так вам благодарна за все. Гена совсем не любит рассказывать о себе, максимум «все нормально». Он сейчас просто прислал мне сообщение: «К тебе придет Лида, сделай как скажет». Вот ключ от квартиры Гены. И можно вас попросить? Если не трудно, конечно. Расскажите мне потом, как все прошло.

– Конечно, само собой, – радостно ответила Лида. – А как вы? Что-то нужно?

– Я в порядке, справляюсь. Все заказываю по интернету. Но за вопрос большое спасибо. Если только... Это так, не просьба, вдруг просто наткнетесь. Я люблю хорошие дамские романы, а по интернету трудно выбрать. А у вас такой чудесный вкус, это сразу видно. И еще вдруг рядом... Я люблю только яблоки «Симиренко», а их трудно найти. Но все совершенно не к спеху и вообще необязательно.

Нина Петровна была очень деликатным человеком, но чужая доброта – непреодолимый соблазн. Что и требовалось доказать. А Лида, уходя из ее квартиры с ключом в руке, не вздохнула с досадой, как сделал бы любой средней нормальности человек, и, конечно, не выругалась про себя: «Да пошла ты... Делать мне больше нечего».

Она сначала бросилась спасать Тыкву, произвела ее эвакуацию из квартиры Гены в свою. А потом в упоении бегала по книжным магазинам и провела не меньше часа в интернете, узнавая, где продаются яблоки «Симиренко». Нашла и не заказала. А поехала по указанному адресу, а это вообще третья сторона по отношению к ней и Нине Петровне. Яблоки нужно выбирать и нюхать. Что приятно само по себе. И как же Лида была счастлива, увидев повлажневшие глаза и порозовевшие щеки чужой мамы, которая утром не знала о ее, Лиды, существовании. «Звоните, если что», – произнесла Лида самоубийственную фразу. Она была умным человеком и все могла понять и предвидеть, но не думала так, как все. Она не считала, что ее на всех не хватит. Лида была благодарна людям за то, что она им нужна.

У Лиды была очень веская причина быть благодарной судьбе за все, что было и случилось в ее жизни сейчас. За то, что каждая минута в сутках на вес золота. За то, что порядковые номера забот выстроены в мозгу, как папки с особо важными документами в архиве. За то, что о себе она вспоминала в короткие моменты приступа голода или потребности встать под горячий душ. Она здорова, господи, боже мой, у нее есть все, что ей необходимо, она может помочь стольким людям и, главное, беспомощным и никому не нужным животным. Это такое богатство, что она может даже спать на ходу.

Об этом мало кто знает, но причина особой благодарности Лиды судьбе в том, что так было далеко не всегда. Все дела, заботы, привязанности, любовь и жалость, которые ни голове, ни ногам покоя не дают, – все это тащит ее, уносит, поднимает все выше к воздуху и солнцу со дна мрачной безнадежности, вытягивает из такого жестокого прошлого, в каком не могло быть даже надежды на просвет. И добрая нежная душа, которой так хотелось любить и жалеть, только плакала и корчилась в страданиях. Она была никому не нужна. О такой душе даже никто не догадывался. Была просто Лида Розова, лишняя человек на этом свете, она покорно и уныло переходила из возраста в возраст, вжимаясь в стены и углы, чтобы стать незаметной. И все равно рано или поздно становилась помехой. И ее пытались убрать... Разными способами. От воспоминаний, из-за которых кожа Лиды покрывается нервной экземой, ей больно дышать.

А лекарство одно: достать из мозгового архива папку-заботу с порядковым номером и делать все как полагается. Без нытья и соплей.

Лида, наверное, никогда бы не поверила в то, что есть знакомые, которые ей завидуют. Не потому, что нечему, а потому, что она сама никогда не знала этого чувства. Лида очень радовалась, если кому-то хоть немного везло. И это был еще один разряд особой поддержки: полужнакомые люди звонили ей, чтобы рассказать, как вылечили маму, как удалось решить проблему сына в школе, как премию дали к Новому году, а тут как раз щенка любимой породы недорого предложили. И Лида все это сразу принимала как собственные успехи и радости. «А по поводу щенка давайте вместе, если вы не против. Это все очень важно...» И папка с очередным особо важным документом-заботой отправлялась в архив мозга на годы.

Во дворе дома Лида по привычке подняла голову к своему пятому этажу и согрела взгляд видом освещенных окон. Она всегда включала везде свет, даже если уходила утром. Мало ли на сколько задержится, а ее семейство до выключателей не дотянется. Лифт застрял на каком-то этаже, и Лида побежала по лестнице. Пора гулять, кормить, мыть, убирать... Пора заниматься самыми теплыми делами на свете – ухаживать за территорией любви.

Лида вошла в большую, ярко освещенную прихожую, освободилась от холодной тонкой куртки и таких же сапог. «Мне нужно, чтобы было легко, – объясняет она подругам, которые пугают ее воспалением легких. – А на ходу легкие проветриваются. И потом я очень привыкаю к вещам».

Двери в четыре комнаты были закрыты. Если бы Лида не делала этого, вся ее развеселая компания просто свалила бы ее с ног от счастья встречи. Ни раздеться, ни умыться. Лида в ванной переоделась в большой и толстый махровый халат, чтобы на полчаса расслабиться и согреться перед выходом на холод. И тут в дверь позвонили. Еще один соблазн для многих: Лиде можно сразу звонить в дверь, и она откроет, улыбнется и не спросит, конечно, о том, почему не предупредили по телефону.

На сей раз это была Инна, соседка из другого подъезда и самый геморройный человек в доме, по общему стойкому мнению. Выглядела Инна очень даже мило. Аккуратная фигура, всегда красиво одета, круглое ухоженное личико с большими голубыми глазами и копна серебряных волос – редкая ранняя седина. То была просто генетическая особенность пигмента, но Инна любила томно намекать на последствие несчастной любви. Лида пригласила Инну в квартиру, по привычке стараясь не смотреть ей в лицо. Суть Инны была выражена в невыносимо навязчивом взгляде и хищных, нетерпеливых губах, всегда готовых к бесцеремонным вопросам и пренебрежительным или оскорбленным ответам.

– Привет. Тебя целый день не было. Где ты была?

– По делам. Кошку одного знакомого надо было перевезти к себе.

– Кошку??? Знакомого? Я в шоке. Если ты будешь такой бесхарактерной, в наш дом начнут крокодилов скидывать. Некоторые и так тобой недовольны. Такую, говорят, прекрасную квартиру загубила.

– Инна, я ничего не загубила, и тут нечего обсуждать. У тебя что-то срочное?

– Да. Мне очень нужно... Пошли в кухню, мне нужно передохнуть, я целый день занималась генеральной уборкой. И чашку чаю, если можно.

Лида провела соседку в кухню, налила ей и себе по чашке чая, поставила вазочку с печеньем. Вопросов не задавала, ждала просьбу. Но Инна явно не торопилась. Она уставилась на Лиду своим пристальным взглядом и озвучила вопрос, который задает столько лет, сколько они знают друг друга:

– Ты Новый год где будешь встречать?

– Дома, конечно, как всегда.

– Одна?

– Инна, я тебе всегда объясняю: я не одна. И у нас будет все в обычном порядке. Извини, но я гостей не приглашаю. У меня просто нет времени сидеть спокойно за столом. Нужно всех кормить, выгуливать, звонки всю ночь каждую минуту. И мне хочется всех поздравить, узнать, как дела...

– Но ты чувствуешь одиночество после того, как муж умер?

– Я не знаю, что такое одиночество. Понимаешь, я не одна, когда остаюсь сама с собой. К тому же это такая редкость, когда я совсем одна. Какие-то минуты ночью, когда животные спят.

– Опять ты про зверей. Я о людях. Тебе не скучно быть одной и знать, что муж не придет, не поговорит?

Так наступает тот момент, когда Лида решается проявить характер. Ее лицо становится суровым, близорукие глаза с мягким, нерешительным взглядом вдруг приобретают почти стальной цвет.

– Тема закрыта, Инна. Мы это уже обсуждали, и я только что тебе еще раз ответила. Нет, я не одинока. И мне некогда. Так в чем просьба?

– Мне нужен коньяк. У меня томится рождественский кекс, все нужно постоянно заливать коньяком. А я целый день убирала и не посмотрела, что он у меня закончился. На улице холодно, не хочется бежать в магазин.

– У меня нет коньяка.

И Лида сдерживает фразу о том, что по телефону вопрос и ответ заняли бы полминуты.

– Жалко. Даже не знаю, у кого бы попросить. Тут нельзя пропускать день.

Они какое-то время сидят молча, обе понимают, что, кроме Лиды, Инна ни к кому бы не сунулась. Ей просто не откроют.

– Ну хорошо, – поднимается Инна. – А ты не могла бы мне дать немного денег, я же без кошелька выскочила. Чтобы домой не возвращаться, сразу в магазин заскочу.

Лида долго и, в общем, успешно боролась с собой, закаляя волю для отказов тем, кто просил у нее деньги. Это точно без возврата, и были времена, когда она раздавала большую часть гонораров, не в состоянии никому отказать, а потом выкручивала мозги, как прожить на то, что осталось. Но тут надо было очень быстро завершить неприятную встречу.

– У меня совсем мало. Сколько это стоит?

– Да я самый недорогой... Из неплохих. До трех тысяч. Потом отдам.

Лида взяла кошелек, протянула Инне две тысячи.

– Это все, что есть. Извини, Инна, мне надо идти с собаками. Привет коньячному кексу.

Она закрыла дверь за соседкой, которая, в общем, казалась удовлетворенной. Прелестная Инна патологически жадная.

Лида опять влезла в брюки, свитер, куртку и открыла по очереди двери во все комнаты. Ну, здравствуйте, мои дорогие. И к ее рукам и взгляду побежали, потянулись, поплелись три старые больные кошки, два развеселых котенка, красавец кобель Гера, длинноногий пес-подросток Бим и трехлапая Тина. А за всеми неторопливо следовала ярко-рыжая Тыква, квартирантка, вполне довольная коллективом, теплом, светом и количеством мисок с кормом. Всех нужно приласкать, сказать слова, проверить, достаточно ли холодные и мокрые носы.

В ночь они вышли строем – Лида, Гера, Бим и Тина. И эта ночь, продуваемая недобрыми ветрами со всех сторон, вдруг сковала Лиду тем страшным одиночеством, о котором она забывает сама с собой, в тепле дыхания родных существ. Это незаживающая язва боли, унижения и страха ее семейного союза, тех лет, дней и минут, когда муж был жив, приходил домой, говорил... Орал, оскорблял, требовал. Поднимал руку, ногу, иногда хватал нож... Лида все выносила как должное, как крест. Убежать было некуда. Муж пришел в квартиру, которая осталась ей по наследству от матери. Она никому ничего не рассказывала, да и не было у нее тогда ни друзей, ни хороших знакомых. И она наверняка терпела бы такое существование без минуты покоя много лет. Или совсем мало: Лида каждый день боялась быть убитой, что лучше, чем

оказаться искалеченной. А внешне они были вполне благополучной парой. По утрам вместе выходили из дома. Лида шла к метро, чтобы доехать на работу. Олег садился в свою машину – крупный, солидный, вполне себе надежный муж-хозяин. Он ни разу не принес Лиде зарплату, жили на ее деньги. А недостаточно качественная еда летела ей в лицо.

Олег разбился на своей машине в пьяном виде четыре года назад. Лида тосковала и плакала: это очень больно, когда так внезапно обрывается жизнь, переплетенная с твоей. На время она пропала для всех, почти не выходила, боялась слов и взглядов, которые могли ворваться в ее странное, самой себе не объяснимое горе. Она мужа не любила, боялась и остро жалела.

Однажды ночью вышла на какой-то писк, нашла в кустах крошечного котенка. Принесла домой, помыла, покормила... И поняла, что вернулась к себе из жестокого застенка, в каком не должны, не могут жить люди. Вот тогда кончилось одиночество Лиды, а срок его был долгим – с детства.

Толстая, больная Тина поскользнулась на льду и упала, вскрикнув, как ребенок. Лида бросилась ее поднимать, домой волокла собаку по земле, уговаривая потерпеть. Тину к Лиде принесли сразу после того первого котенка. По ней проехала машина на трассе. Было много операций, одну лапу ампутировали. Лида выходила ее, и собака была вполне счастлива, а этой зимой ее совсем замучил артрит.

Дальше все было в нужном порядке, который исключал лишние эмоции и полностью истреблял жалость к себе. При чем тут ты, сильная и здоровая, когда рядом столько слабых, беспомощных и зависимых жизней. Когда все были помыты, накормлены, уснула даже Тина после своих лекарств, Лида присела к кухонному столу. Был слишком нервный день, чтобы сразу уснуть. И тень разбуженной тоски потянулась к ней всеми своими ядовитыми щупальцами. Если бы Лида умела быстро и бурно пореветь до последней капли горечи и слез в организме, может, и пришел бы спасительный сон: она ведь так устала. Но плакать нельзя – таким был кодекс Лиды с тех самых роковых пяти лет, когда в эту квартиру к ним с мамой приехал отчим со своими двумя дочерьми. Тень тоски вдруг зазвенела, зашептала, зарычала насмешливыми, раздраженными и угрожающими голосами... Только не это. Что ж за ночь такая. И тут раздался звонок телефона. Лида услышала голос подруги Милы и задохнулась от счастья. Вот и спасение. Мила все всегда понимает.

– Привет, подруга, не разбудила? – у Милы был низкий, хрипловатый и какой-то очень честный голос.

– Нет, конечно, что ты. А я как раз думала о тебе.

– Да ну! Хоть кто-то иногда думает обо мне. А я как раз плетусь от метро мимо твоего дома. Смотрю, у тебя в кухне свет. А мне так неохота сейчас готовить ужин своим мужикам. Просто все отваливается: руки, ноги и голова. Сумасшедшие дни на работе. Можно к тебе на полчаса?

– Нужно! Я вчера как раз по одному рецепту приготовила какое-то немыслимое блюдо с грибами и сыром, но даже попробовать было некогда. Прямо сейчас и разогрею.

– Такая прелесть? Тогда я в магазин на углу заскочу за бутылкой. А потом вместе позвоним моим, расскажем, что мне стало плохо у твоего дома и ты мне компресс на голову кладешь. Им ничего не останется, кроме того, как самим приготовить ужин, пожрать и посуду помыть.

Все у них получилось. Костя, муж Милы, даже сделал вид, что бросится к Лиде спасать жену и нести ее домой на руках. Но легко дал себя успокоить, особенно убедил его привлекательный аргумент, подаренный самой Милой:

– Костик, я тут просто засыпаю, у Лиды такая тишина, сопят все животные. А вы с Павликом лучше сходите в магазин, купите на ужин что-то вкусное и бесполезное, как любите без меня. И ложитесь спать. Я тихонечко приду, лягу на диване, чтобы тебя не будить.

– Хорошо. Даже отлично, – не сдержал радость Костя, очень хороший муж, кстати, но всем нужно отдыхать от семейного счастья. – Только дай мне слово, что если будет хуже, сразу позвонишь. Мы прибежим.

– Конечно, клянусь, – торжественно произнесла Мила.

Лида восторженно слушала этот милый диалог, и ей казалось, что очень родные люди слаженно и азартно, как шаловливые дети, участвуют в экспромте, постановке забавного сценария, который разнообразит их достаточно трудное существование. Легкость и тепло отношений – какой это великий подарок судьбы! Наверное, это награда человеку за какие-то особые качества. У Лиды их нет, похоже, категорически. Она ни с чем подобным не встречалась в жизни. Как же здорово, что ей дано хотя бы посмотреть и послушать. Мила заслужила свою семью, искренность, иронию и преданность отношений. Ее парни тоже, конечно. Лида их очень любит.

Как же хорошо они посидели, поболтали. Лида рассказала о визите Инны в самых смешных подробностях, они обе хохотали. И пили, кстати, коньяк, по которому так тосковала Инна. Интересно, она купила его?

– Нет, конечно, – авторитетно заявила Мила. – Она спрятала твои две тысячи в свой чулок, а сама купит заменитель в четыре раза дешевле.

И как это случилось... Как разговор вдруг сам по себе поплыл в другую сторону, будто тема возникла из тени тоски. Было уже около полуночи. Мила блаженно потянулась, зевнула и произнесла:

– Как же у тебя здорово: уютно, спокойно, тепло. И это при таком количестве животных. Как они, кстати?

Лида начала рассказывать, назвала животных по именам, и двери комнат стали тихонько открываться. Они все деликатно вошли стайкой в просторную кухню, заинтересованно повели носами. Собаки приветствовали Милу, давали ей лапы, кошки ей мурлыкали.

– До чего же хороши они у тебя. Просто ангелы все, – умилялась Мила. – Точно: животные являются отражением души хозяев. Ты и сама ангел. А наша Муська – чисто сволочь по отношению ко всем, кроме Павлика. Только он может делать с ней что хочет, даже уши завязывать в бант. Я могу ее погладить только после хорошей кормежки. А Косте вообще разрешается пузо погладить только за косточку. Любого гостя готова сожрать без соли. А ведь она у нас с двух месяцев и слова громкого не слышала, ни в чем отказа не знала.

Они вместе немного подкормили меховую компанию, развели живность по комнатам, уложили на лежанки. Мила с удовольствием осмотрелась и произнесла:

– Как здорово, что ты дала себя уговорить сделать ремонт. У тебя так стильно, комфортно, интеллигентно... И как же хорошо, что ты тут одна хозяйка. Ох, извини, я не то хотела.

– Ладно, проехали, – махнула рукой Лида.

Они вернулись в кухню, Мила разлила по рюмкам «на посошок» и вдруг решительно произнесла:

– Нет, я хотела, Лида. Пора наконец назвать вещи своими именами. А почему надо ходить на цыпочках перед самым фактом смерти? Иногда это справедливость. Ты все еще живешь, раздавленная потерей, боишься дышать, улыбаться, чтобы не сказали, что ты плохая вдова. У тебя никого нет столько времени. А ты такая симпатичная баба, хоть и ходишь чучелом. Так даже мой Костик сказал, когда ты пришла к нам не в своих «собачьих» штанах, а в нормальном, хоть и стареньком платье. Вот что я тебе скажу, чтобы это засело в твоем мозгу. Если бы Олег не разбился тогда по пьяни, неизвестно, была бы ты сейчас жива. И что еще страшнее: была бы ты вообще в какой-то квартире или бомжевала на улице. Ведь он со дня на день привел бы сюда свою телку. И все это знали. Он открыто с ней жил, везде таскал ее за собой. Потому над тобой измывался. Ты же знаешь, что свою комнату после развода он продал и деньги пропил.

Женился на тебе наверняка из-за этой квартиры. Может, эта бабища с морковными волосами у него и до тебя была.

– Все это возможно, – устало и подавленно сказала Лида. – Только, Мила, зачем нам выстраивать новую историю вместо той, которая закончилась? Скажи мне только одно: мое черное платье тебе на самом деле кажется старым? Я к тому, что считаю его нарядным, надеваю для подписания договоров.

– Ладно, оно красивое, дурища ты моя дорогая. До слез меня чуть не довела. Давай все же купим тебе новое. Вот прямо завтра.

Лида стояла у окна и смотрела, как по темному двору от нее уходит подруга: ее дом через дорогу. Кто-то из них захочет – и она вернется. В любое время. Могла ли Лида мечтать когда-то о таком счастье: к ней приходит подруга, и не нужно ни у кого спрашивать разрешения, прятаться с ней в каком-то углу, потом терпеть претензии и насмешки. Кажется, это и было в ее прошлом пару раз: такая попытка самоутверждения, которая приводила только к унижениям и пустоте. Она приводила подругу, а на следующий день не могла смотреть ей в глаза от стыда. Еще один человек узнал, что дома Лида – никто.

Мила ушла, Лида может перебирать в памяти все минуты их чудесного вечера. Ей не одиноко, она осталась сама с собой. Лида с привычной для себя боязливостью осторожно и старательно обходила жесткие, даже жестокие слова подруги. Не всем дано быть настолько откровенными с другими и собой. Это настоящая смелость, за нее, наверное, судьба и награждает искренностью и уважением других людей. Как Милу. А Лида – слабая, трусливая, не способная ни на решительный поступок, ни даже на честное слово, адресованное себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.